

Гу Цин переместился в другое тело — тело гэра, которого тоже звали Гу Цин. Однако тот «Цин» писался иначе, чем его имя. В современном мире Гу Цин попал в аварию, а очнулся уже здесь.

В голове всплыло множество чужих воспоминаний: очевидно, они принадлежали прежнему владельцу тела. В этом мире жили не только мужчины и женщины, но и гэры. Подобно женщинам, гэры могли выходить замуж, но их не ценили. Чаще всего их брали в наложники, а если и в законные мужья-фуланы, то лишь в бедные семьи, где не могли позволить себе жену. Причин тому было две: во-первых, гэрам труднее забеременеть и выносить ребенка, а во-вторых, внешне они мало отличались от мужчин — разве что ростом пониже да костью поуже, и на ощупь были совсем не такие мягкие и нежные, как женщины.

Прежний Гу Цин был беднягой: в пять лет потерял мать, а не прошло и двух месяцев, как его отец, Гу Тяньци, привел в дом новую жену. Поначалу мачеха вела себя сносно, по крайней мере, досыта кормила, но со временем заметила, что Гу Тяньци относится к сыну с пренебрежением. Тогда госпожа Гу тоже принялась изводить и понукать пасынка.

Так продолжалось, пока Гу Цину не исполнилось семнадцать. Тогда овдовевший охотник из их деревни принес триста вэней и двух кроликов в качестве выкупа, чтобы забрать его в жены. В деревне поговаривали, что этот охотник наверняка кого-то убил: ростом в восемь чи, гора мышц, брови вечно сдвинуты, взгляд свирепый. С односельчанами он общался мало, и все шептались, будто прежнюю жену он забил до смерти.

Гу Цин не хотел за него замуж, но у него не было ни матери, ни дома — некому было пожалеть его или заступиться. По натуре он был мягким и не смел перечить отцу, ведь за непокорность полагались лишь побои.

Той же ночью Гу Цин собрал свои вещи, решив бежать. Впрочем, собирать было особо нечего: одежда из грубой конопли, вся в латках, да кошелек-кисет, вышитый матерью. Кисет был старым и потертым, но хранился бережно — сразу видно, как он был дорог владельцу.

Собравшись, Гу Цин дождался полуночи и, пригнувшись, на цыпочках выскользнул из дома. В городке он бывал редко и плохо помнил дорогу, поэтому шел медленно вдоль берега реки, то и дело оглядываясь в страхе, что отец вот-вот пустится в погоню.

Ночь стояла непроглядная, хоть глаз выколи. Лишь редкие звезды мерцали в небе под завывание зверья в горах. Гу Цин совсем растерялся и сбился с пути. В изнеможении он опустился на землю; чувство беспомощности и отчаяния захлестнуло его. Даже если он сбежит, куда податься одинокому гэру? В тот миг он воззвал к небесам, не понимая, почему судьба так несправедлива к нему одному, почему обрекла на страдания и загнала в тупик. «Может, уйти к маме? Она точно его любила, она была единственным человеком, кому он был по-настоящему дорог». Эта мысль засела в голове и начала расти, вытесняя всё остальное.

Он бросился в реку без тени сомнения. Наконец-то он был свободен!

— Гу Цин, не хочешь, а придется! — ворчал Гу Тяньци, свирепо хмурясь. — Триста вэней этого охотника уже ушли на учебники для твоего брата. Тебе семнадцать, а сватов на пороге и не видать. То, что нашелся желающий взять тебя в жены, — уже милость небес, а ты еще нос воротишь! Испокон веков воля родителей и слово свахи — закон, а ты, неблагодарный сын, если вправду решил помереть, так неужто не совестно за весь тот хлеб, что ты ел годами? Зря я тебя, что ли, растил столько лет?

Наругавшись всласть, отец присел на корточки и, причмокивая трубкой, стал ждать ответа от лежащего на кровати гэра.

Гу Цин привел мысли в порядок. Мачеха даже поесть вдоволь не давала, в этом доме его всё равно рано или поздно изведут до смерти. Уж лучше выйти замуж — вдруг там появится хоть призрачный шанс на жизнь?

— Я согласен, — произнес Гу Цин. В горле словно битое стекло застряло, голос звучал пугающе хрипло. Он оперся руками о кровать и с трудом сел. «Это тело слишком слабое, — подумал он про себя, — нужно как следует его восстановить, иначе даже сбежать сил не хватит».

Гу Тяньци довольно усмехнулся:

— Вот и ладно, отдыхай. Я велю матери сварить рисового отвара, чтобы ты подкрепился. А завтра с утра пораньше, пока народу на улице мало, сам ступай в дом Сяо У. Раз идешь мачехой к его детям, пышные церемонии ни к чему, только людей смешить. Ты гэр, да к тому же такой дохляк, детей наверняка родить не сможешь. У Сяо У уже есть двое, так что он тебя притеснять не станет. К тому же он охотник, с голоду не помрете. В наше время кусок мяса на вес золота. — С этими словами Гу Тяньци глубоко затянулся из трубки.

Гу Цин не стал спорить, лишь ответил:

— Я ложусь, ужинать не буду.

Он отвернулся и накрылся одеялом с головой. Гу Тяньци было вспылil, но сдержался, поднялся и вышел из комнаты.

Оставшись один, Гу Цин в сердцах ударил по кровати. Ну что за несправедливость! Другие попадают в иные миры с «золотыми пальцами», бесконечными пространствами, системами и статусом хоста, а у него — всё кувыркoм. Мало того, что ничего нет, так еще и мачехой к чужим детям сплавляют! Ох, небеса, так нечестно!

На следующее утро Гу Цин поднялся, оделся и, полагаясь на память прежнего владельца тела,

отправился к дому Сяо У. Стояла глубокая осень. Утренний туман обволакивал деревню, свежий воздух с ароматом спелых плодов бодрил и проникал в самую душу. В деревне царила тишина, лишь изредка доносилось кукареканье петуха, а над крышами домов вились струйки дыма — серый дым смешивался с туманом и медленно поднимался к небу.

Дороги в деревне были скверные, каменистые, а в соломенных сандалиях путь и вовсе стал мучением. Дом Сяо У стоял у подножия горы, и Гу Цину пришлось идти целых двадцать минут, прежде чем он добрался.

Он остановился у входа. Деревянная калитка выглядела ветхой, а за невысокой изгородью весь двор был как на ладони. Дворик был небольшим, на заборе висели шкурки каких-то животных — Гу Цин не смог определить, каких именно. Пока он шел, он был спокоен, но теперь вдруг разнервничался. Глубоко вздохнув, он попытался приободриться.

Он постучал в дверь:

— Есть кто дома?

Спустя мгновение вышли двое детей. Их одежда была в пятнах, личики перемазаны грязью, но глаза сияли удивительно ярко. На вид им было совсем немного, года три-четыре. Девочка постарше держала за руку мальчика. Малыш наполовину спрятался за сестру и робко выглядывал из-за ее спины.

— Вы кого ищете? — спросила девочка. — Папа ушел в горы, скоро вернется.

Гу Цин замялся. Сяо У нет дома, знают ли эти крохи, кто он такой? Он лихорадочно соображал: не может же он, подобно волку из сказки, обманом заставлять детей открыть дверь.

— Меня зовут Гу Цин, — только и сказал он.

Стоило ему представиться, как дети тут же проворно отперли дверь.

— Папа сказал, что женится на тебе. Ты теперь будешь нашей мамой, да? — Девочка посмотрела на него с сияющей надеждой в глазах.

Гу Цин удивился. Сяо У оказался весьма эффективным — заранее всё объяснил детям. Что ж, так даже лучше, не придется тратить слова на лишние объяснения.

— Заходи в дом, мама, отдохни. Папа ушел на охоту, может, его не будет дней десять, а то и полмесяца. — Малышка, ничуть не стесняясь, взяла Гу Цина за руку и повела в дом.

Войдя внутрь, Гу Цин огляделся. У окна стоял кан — в северных краях без него зиму не

пережить.

За ним располагалась кухня, хотя кухней это назвать было сложно: просто сложенная из глины печь с котлом, соединенная с каном. Готовишь еду — заодно и постель греешь, так и хворост экономится. На подоконнике рядом стояло несколько пар палочек для еды и чашки.

В углу примостился полмешка проросшей картошки. А вот смальца в горшке оказалось предостаточно: из-за холодов жир застыл и стал молочно-белым. Соли в солонке тоже было много, правда, сверху она покрылась слоем пыли — видно, давно не пользовались. Специи в доме имелись в избытке, нашлась даже такая редкость, как сахар.

Гу Цин повернул голову направо и увидел пристройку с кроватью и кучей всякого хлама — судя по всему, она служила кладовой.

Осмотрев жилье, Гу Цин положил свой узелок на край кана и присел сам. Махнув рукой, он подозвал детей, которые всё еще стояли у порога. Малыши, привыкшие, что их семья живет особняком и редко общается с односельчанами, выглядели скованно. Девочка оказалась смелее и подвела брата к Гу Цину. Глядя на то, как любопытно выглядывает мальчик, Гу Цин улыбнулся:

— Как вас зовут? Сколько вам лет? Давайте-ка познакомимся, раз уж мы впервые встретились.

* * *

Глава 2. Лапша

— Меня зовут Сяо Чи, мне четыре года. — Малышка притаился за спиной сестры, высунув лишь любопытную головку. Повращав круглыми глазками, он добавил:

— Я уже большой и о-о-очень сильный, смогу помогать тебе делать много-много всякой работы!

Приход Гу Цина вызывал у детей одновременно радость и тревогу. Радость — потому что у них наконец-то появилась «мама», которая о них позаботится; тревогу — потому что они не знали, легко ли будет с ней поладить и не станет ли она считать их обузой.

Гу Цин рассмеялся, поднялся, подхватил малыша на руки и похвалил:

— Какой молодец! Ну, тогда в будущем мне придется положиться на твою заботу.

Сяочи протянул маленькую ручку и с важным видом похлопал себя по груди:

— Не беспокойся! Папа сказал: человек должен держать свое слово. Мы с сестрой будем о тебе заботиться.

Девочка, стоявшая рядом, крепко сжала края рукавов и заговорила:

— Меня зовут Сяо Яньянь, мне семь лет. Когда папы нет дома, я умею и готовить, и печь топить.

Гу Цин растроганно подумал, что небо к нему милостиво — сразу подарило сына и дочь. В прошлой жизни он был геєм, и дети ему не светили. Из-за вечной погони за карьерой он так и не встретил подходящего спутника, да и усыновить ребенка не довелось. Теперь же его желание сбылось.

Гу Цин сказал:

— Хорошо. Значит, тебя я буду звать Яньянь, а тебя — Сяочи. А вы зовите меня «папочка».

Ему, взрослому мужчине, было совсем не по себе, когда его называли «мамой».

— Хорошо-о! — хором и в унисон протянули дети. Ответ прозвучал бодро, а в глазах светилась неподдельная радость. Какие у детей могут быть дурные помыслы? Сяо У по натуре был молчалив, постоянно пропадал в лесу, и дети не смели к нему ластиться. Вернее сказать, боялись проявлять чувства. А теперь пришел папочка — голос ласковый, взгляд добрый, как тут не радоваться? К тому же Гу Цин был собой хорош: черты лица тонкие, изящные. Пусть телом и слабоват, но большинство гэров были мелкими. А поскольку деревенские вечно копались в земле под палящим солнцем, белокожих среди них не водилось. Удивительное дело: прежний Гу Цин вкалывал за двоих, почти всё поле Гу Тяньци было на нем, а кожа у него так и не потемнела.

Гу Цин подумал, что раз уж дети встали так рано, они наверняка еще не завтракали, и спросил:

— Яньянь, что у нас есть из еды? Папочка приготовит вам поесть.

С этими словами он прошел на кухню, осмотрелся и нашел лишь тот самый мешочек с проросшим картофелем. Однако Яньянь с братом вихрем вылетели из дома. Гу Цин бросился было за ними, но след их простыл. Он вернулся на кухню, отыскал полмешка муки, взял миску побольше и отмерил две порции. Решил приготовить лапшу. Осенью с каждым днем становилось всё холоднее, и хотя днем солнце еще припекало, с утра горячая похлебка была в самый раз.

В прошлой жизни Гу Цин жил один, общепит не жаловал и в целях экономии всегда готовил сам. К тому же, благодаря памяти прежнего владельца, который с малых лет был приучен к

любому труду, сварить что-то из муки было парой пустяков. Гу Цин работал споро: зачерпнул из кадки ковш воды. Ковш был сделан из старой тыквы-горлянки: семена вычищены, верхушка срезана — для воды в самый раз. Деревенские такими пользовались годами.

Воду в муку он подливал понемногу, постоянно помешивая, пока не получились хлопья. Отложив ковш, он принялся вымешивать тесто обеими руками, выбивая воздух, пока оно не стало гладким. Накрыв тесто плетеным матом, он оставил его отдыхать. Тем временем Гу Цин решил вскипятить воду, но дров в доме не оказалось. Вытерев руки, он собрался выйти на поиски дровяника, как раз когда Яньянь с Сяочи прибежали обратно.

Гу Цин увидел, что дети несут в подолох ворох диких трав. Пальцы в грязи, штанишки и лица перемазаны землей, но маленькие грязнули сияли от восторга. Они высыпали зелень на пол, словно сокровище. Малыши молчали, но на их лицах так и читалось: «Ну разве мы не молодцы? Похвали нас скорее!»

Гу Цин тайком усмехнулся, но виду не подал. Решил поддразнить Сяочи и безучастно произнес:

— Ну, будем есть траву.

Яньянь была постарше, и хотя похвалы не дождалась, особо не расстроилась. Она молча принялась перебирать зелень, чтобы пойти ее помыть.

А вот Сяочи заволновался. Он вцепился в край одежды Гу Цина и заканючил:

— И... и всё? Папочке больше нечего сказать?

Гу Цин изо всех сил сдерживал улыбку:

— Дикая трава... — он сделал многозначительную паузу, взглянул в полные ожидания глаза ребенка и добавил:

— Может, папочка сварит вам суп из нее?

— И это всё? — Сяочи поник, в голосе больше не было прежней бодрости. Он с надеждой добавил:

— Папочка, подумай еще хорошенько!

Гу Цин наконец не выдержал, расплылся в широкой улыбке, наклонился и подхватил Сяочи на руки:

— Сяочи и Яньянь просто молодцы, такую отличную зелень нашли! — С этими словами он чмокнул Сяочи в щеку.

Малыш густо покраснел, но глаза сияли от восторга. Он во всю глотку закричал:

— Сестренка, папочка меня поцеловал! Прямо сейчас поцеловал! — И принялся радостно ерзать на руках у Гу Цина.

<http://bllate.org/book/19018/1869762>